

НОРМЫ-ДЕФИНИЦИИ В ПРАВЕ (НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА)

О.А.Кузнецова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул.Букирева, 15

Рассматриваются понятие и место правовых дефиниций в системе гражданско-правовых норм. Обосновывается вывод о необходимости включения дефиниций в число правовых норм, имеющих нетипичную структуру и выполняющих специфические функции в механизме правового регулирования общественных отношений. Обращается внимание на приемы и способы формулирования дефинитивных норм в тексте ГК РФ. Подчеркивается важность принятия официального генерального законодательного словаря, унифицирующего правовые понятия.

Слово «дефиниция» происходит от латинского «definitio», которое имеет следующие значения: определение точное, указание; логическое определение, дефиниция; требование и предписание [1, с. 297]. В логике дефиниция рассматривается как предложение, описывающее существенные и отличительные признаки предметов или раскрывающее значение соответствующего термина [2, 141]. Термин же – это слово или словосочетание, обозначающее строго определенное понятие [3, с. 34]. Понятие является одной из центральных категорий логики, под которой понимают «результат обобщения предметов как класса и мысленного выделения этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса – и в совокупности отличительных для них – признаков» [4, с. 91]. Любое понятие имеет логическую структуру, состоящую из двух элементов: объема и содержания. Объем – это класс обобщаемых в понятии предметов, а содержание – совокупность признаков, по которым обобщаются предметы в понятие.

Понятие может быть подвергнуто различным логическим операциям: обобщению, ограничению, делению и др. При необходимости раскрыть содержание понятия прибегают к такой логической операции, как определение. Иногда определение считают синонимом дефиниции, однако это не совсем верно. Определение в логике рассматривается в узком и широком значениях. В узком смысле определение выступает как «логический способ ус-

тановления или уточнения связи языкового выражения с тем, что оно обозначает как знак языка» [там же, с. 212]. В широком значении «определение охватывает собой и процесс выработки соответствующего предложения, и результат этого процесса, т.е. само предложение» [5, с. 5]. Это «само предложение» и является дефиницией. Другими словами, логическая операция, раскрывающая понятие, – это определение (в узком смысле), а предложение, описывающее содержание понятия – дефиниция. Понятие, содержание которого раскрывается, называется определяемым (дефиниендум), а понятие, которое раскрывает содержание – определяющим (дефиниенс).

Общенаучные категории «дефиниция», «понятие», «определение», «термин» широко используются в правоведении, однако до сих пор не получили юридической терминологической стабильности. В науке права применяются такие термины, как «правовое понятие», «юридическое понятие», «понятие права», «юридический термин». Зачастую эти различные термины обозначают одно и то же понятие, либо одно и то же понятие обозначается различными терминами, что с точки зрения формальной логики является недопустимым.

Т.В.Кашанина рассматривает категорию «правовое понятие» в широком смысле: и как понятие, закрепленное в норме права, и как понятие правовой науки [6, с. 36]. В.К.Бабаев использует термины «юридическое понятие» и «правовое понятие» как синонимы и отме-

следует, что «многие юридические понятия имеют своеобразную форму объективации – они закрепляются в законодательстве», и делит их на закрепленные и не закрепленные в законе [7, с. 110]¹. А.А.Тер-Акопов юридические понятия делит на неправовые и правовые, а последние подразделяет на понятия права (закрепленные в норме права) и понятия, не закрепленные в норме права [8, с. 30]. Авторы работы «Язык закона» понятия, раскрытые в формах права, называют «нормативными дефинициями», а юридический термин рассматривают как «слово (словосочетание), которое употреблено в законодательстве. является общепринятым наименованием юридического понятия, имеющее точный и определенный смысл и отличающееся смысловой однозначностью и функциональной устойчивостью» [9, с. 105]. Из последнего определения следует, что юридические понятия – это только те, которые закреплены в законодательстве, а термины, обозначающие иные правовые понятия (право, правосознание, правоотношение), не являются юридическими.

Такая терминологическая «неразбериха» должна быть преодолена. Думается, что термины «юридическое понятие» и «правовое понятие» следует рассматривать как синонимы и выделять среди них закрепленные и не закрепленные в тексте нормативного акта. Однако содержание закрепленного в законодательстве понятия не всегда раскрывается в нормативном акте, т.е. само понятие в виде термина используется, а его определение отсутствует. Например, понятие «самозащита» в ст. 14 ГК РФ используется, а его дефиниции нет. Поэтому среди закрепленных в законодательных актах понятий следует выделять дефиниции, содержащие определения правовых понятий.

Дискуссионным в науке является вопрос о месте дефиниций в системе права, который, в свою очередь, тесно связан с проблемой структуры и функций правовой нормы. Названная дискуссия имеет два направления: одни ученые считают правовую дефиницию нормой права, а другие – не признают за ней свойства последней. С учетом важности этого научного спора для настоящего исследования остановимся на нем подробнее.

Классическая теория права рассматривает правовую норму как состоящую из трех эле-

ментов: гипотезы, диспозиции и санкции. Гипотеза – это условие, при котором действует норма, диспозиция описывает само правило поведения лица, оказавшегося в условиях, предусмотренных гипотезой, а санкция устанавливает меры ответственности за нарушение предписаний диспозиции. С этих позиций норма права конструируется по следующей схеме: «если – то – иначе», например, «если заключен договор аренды (гипотеза), то арендодатель обязан предоставить имущество в пользование арендатору (диспозиция), иначе арендатор может потребовать досрочного расторжения договора и возмещения убытков (санкция)» (ст. 610, 620 ГК РФ).

Однако юристы давно заметили – а не заметить этого было бы сложно, – что в праве есть положения, никак не укладывающиеся в эту структуру. К их числу относят: дефиниции, фикции, презумпции, юридические конструкции, преюдиции, сроки [10, с. 113-118]; цели, задачи, планы [11, с. 26]; начала, принципы правового регулирования [12, с. 159-163] и другие правовые явления.

Обнаружение этих правовых явлений в системе права дало основание многим ученым сделать вывод о существовании наряду с нормой права иных законоположений. В.М.Горшенев называет их нетипичными нормативными предписаниями, «так сказать, «нестандартного» характера, в которых отсутствуют те или иные свойства, признаки, моменты, объективно присущие классической модели нормы права» [10, с. 115]. С.С.Алексеев выражает несогласие с термином «нетипичные нормативные предписания» и предлагает их называть «интегративными частицами права, органическими элементами нормативной системы» [13, с. 51-52]. В.К.Бабаев определяет их как «исходные законодательные предписания» [7, с. 179-180]. А.В.Поляков рассматривает дефиниции как «когнитивные правила законодательства». т.к. они имеют интеллектуальную направленность, субъектам права необходимо принять их к сведению [14, с. 710-711]. Ю.В.Кудрявцев считает, что дефиниции – это «вспомогательная информация, которая уточняет положения, являющиеся частями элементов нормы» [15, с. 70-71]. Сходную научную позицию мы обнаруживаем и у Л.Эннексеруса, который дефиниции определяет как «незавершенные правовые

нормы», не содержащие ни велений, ни дозволений и поэтому сами по себе лишены значения [16, с. 109-110].

Рассмотрим аргументы противников отнесения закрепленных в законодательстве дефиниций к нормам права.

Во-первых, считается, что «с логической точки зрения дефиниции никак нельзя считать нормой» [15, с. 70]. Этот вывод проистекает из традиционного взгляда на норму как на определенное правило поведения. Конечно, с таких позиций правовые дефиниции не есть нормы, так как они не содержат никаких правил поведения. Однако рассматривать норму только как правило поведения не совсем верно. Слово «норма» происходит от латинского термина «*norma*» – норма, руководящее начало, правило, образец [1, с. 675]. С.И.Ожегов определял норму как «узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй» и нормы поведения как разновидности норм [17, с. 419]. В другом словаре русского языка также читаем: «норма – узаконенное установление, обычный общепринятый обязательный порядок, состояние чего-либо, образец, правило» [18, с. 508]. Интересно также определение нормы как критерия, на основании которого мы оцениваем те или иные факты или действия [19, с. 334].

Как видно из этих определений, норма – это установление, образец, критерий оценки фактов действительности, а не только правило поведения. Все эти определения в полной мере применимы к закрепленным в законодательстве дефинициям, поэтому с этих позиций нельзя отказывать дефинициям в статусе правовой нормы.

Другая причина отказа в признании статуса нормы права за дефиницией состоит в том, что она не имеет классической трехчленной структуры, присущей правовым нормам. На это обстоятельство указывает В.М.Горшенев, который считает трехчленную структуру типичным свойством правовой нормы, а если отсутствует хотя бы один ее элемент, то отсутствует и норма права [10, с. 114]. В.К.Бабаев выделяет в правовом регулировании два уровня: высший, к которому относят принципы, понятия, время, пространство и субъективные пределы действия правовых норм, и низший уровень, включающий «воздействующие на поведение человека право-

вые нормы», и приходит к выводу о том, что «такое разграничение уровней норм правового регулирования общественных отношений избавляет от необходимости «втискивать» их в рамки типично-юридической структуры правовой нормы» [7, с. 182]. Здесь следует отметить, что В.К.Бабаев в более поздних своих исследованиях относит «исходные законодательные предписания» к числу отправных учредительных норм и отмечает, что в них «нет смысла искать ... гипотезы, диспозиции и санкции» [12, с. 97].

С этим трудно поспорить. Действительно, в дефинитивных нормах права мы никогда не найдем ни гипотезы, ни диспозиции, ни санкции. «Втиснуть» их в трехчленную структуру правовой нормы просто невозможно. А нужно ли это делать? Может быть, вообще невозможно конструирование структуры, пригодной для любых правовых норм? Традиционная структура правовой нормы отсутствует также в принципах, задачах, фикциях, презумпциях, которые в большом количестве содержатся в российском законодательстве. Неужели и эти правовые явления следует вынести за пределы норм права?

На наш взгляд, задача исследователя состоит не в том, чтобы отказать правовым дефинициям и другим нетипичным правовым явлениям в статусе нормы, а помочь им его обрести. Для закрепления данного вывода уместно привести высказывание великого русского цивилиста А.И.Каминка: «Юрист должен всегда тщательно изучать сущность конструируемых им явлений, и когда она не укладывается в традиционные конструкции, ... не следует теснить их в эти непригодные для них формы или делать в этих формах исправления, которые, нарушая их стройность, в то же время не охватывают и изучаемых явлений. В этих случаях необходимо создавать для них конструкции, которые давали бы полный простор их особенностям» [20, с. 292].

В отношении дефиниций для этого необходимо прежде всего обосновать структуру этих правовых норм. Структура правовой нормы – это логически согласованное внутреннее строение, обусловленное фактически общественными отношениями, характеризуемое наличием взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, реально выражен-

ных в нормативно-правовых актах [21, с. 29]. Необходимость конструирования структуры нетипичных норм давно установлена в науке, но до сих пор не решена: «Вопрос о структуре норм права, не являющихся правилами поведения, практически не ставится, хотя наличие этих предписаний – наиболее яркое свидетельство и проявление специализации в системе права» [12, с. 95]. В отношении дефинитивных норм эта задача не слишком сложна. Нетрудно заметить, что любая дефиниция состоит из двух частей: определяемого и определяющего понятия. Схема структуры нормы-дефиниции в самом общем виде такова: «А – это В». Например, сделка (А) – это действия граждан и юридических лиц, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (В) (ст. 153 ГК РФ).

Третий аргумент «против» включения дефиниций в число правовых норм обусловлен тем, что они не выполняют своих традиционных функций – регулирование и охрана общественных отношений – и, следовательно, не подлежат делению на регулятивные и охранительные правовые нормы. В.М.Горшенев выделяет в качестве типичного свойства норм права их представительско-обязывающий характер, они указывают на «взаимобусловленные поведением сторон социальные связи» [10, с. 114]. Г.Т.Чернобель, исследуя логическую структуру правовой нормы, пришел к выводу, что ее содержание – веление, которое может быть выражено «модусами нормативности» – «разрешено», «требуется», «запрещено» [22, с. 34]. Очевидно, что здесь речь идет о классификации правовых норм на разрешающие, обязывающие и запрещающие. Действительно, нормы-дефиниции не содержат ни прав, ни обязанностей, ни запретов. Однако они выполняют в системе права другие функции. В.М.Горшенев отмечает, что нетипичные нормативные предписания имеют субсидиарный вспомогательный характер, обеспечивают стыковку норм права и оптимизацию юридической практики [10, с. 115]. Т.В.Кашанина подчеркивает специальное значение правовых понятий: они «обеспечивают единообразие понимания права, придают ему цельность, последовательность, «нерасторжимость» его содержанию», упрощают правовые акты, освобождают от

повторений [6, с. 43]. Статья 153 ГК РФ, содержащая норму-дефиницию сделки, указывает на то, что где бы в законодательстве ни встретился термин «сделка», его следует понимать так, как это указано в соответствующей дефинитивной норме. Для правильной квалификации какого-либо гражданско-правового действия субъектов правоотношения также следует обратиться к ст. 153 ГК РФ как к образцу, критерию оценки. То, что правовые дефиниции выполняют определенную роль в правовом регулировании, очевидно. Очевидно и то, что эта роль не может рассматриваться как выполнение регулятивной или охранительной функции нормой права. Важно определить роль дефинитивных норм в правовом регулировании и гармонично включить их в систему права.

Прав С.С.Алексеев, говоря, что «нормы права не есть некая однородная безликая масса нормативных положений, каждое из которых по своим признакам и особенностям во всем соответствует другим предписаниям», между нормами существует определенное «разделение труда», которое и проявляется в специализированных правовых предписаниях [13, с. 70-72]. Ранее это же мнение высказывал А.Ф.Черданцев: «Право состоит из самых разнообразных норм, между которыми существует «разделение труда», специализация, причем специализация не только отраслевая, но и функциональная» [23, с. 44]. С.В.Поленина называет правовые дефиниции «нормами специального функционального назначения» [24, с. 13].

Следовательно, за нормами-дефинициями следует признать особые специфические функции, не совпадающие ни с предоставлением прав, ни с установлением обязанностей, ни с закреплением запретов и не являющиеся ни регулятивными, ни охранительными в их строгом смысле.

В связи с обнаружением особых функций нетипичных правовых норм С.С.Алексеев предложил классифицировать нормы права на основные, включающие регулятивные и охранительные, и специализированные [13, с. 70-72]. М.И.Байтин и В.М.Баранов впоследствии поддержали это деление правовых норм «по функциональной роли в механизме правового регулирования» [12, с. 159]. Эта же классификация правовых норм приводится и в совре-

менных учебниках по теории права [25, с. 227].

Многие современные исследователи относят правовые дефиниции к числу правовых норм. Ю.А.Тихомиров называет их приоритетными нормами «с большим технико-юридическим смыслом и влиянием на формирование других норм» [26, с. 243]. С.С.Алексеев причисляет дефинитивные нормы к «нормам обобщения» [27, с. 105], М.И.Байтин к «исходным нормам» [28, с. 369]. Р.Т.Мухаев говорит о правовых дефинициях как о «нетипичных (специализированных) нормах» [29, с. 206].

Однако признание за дефинициями статуса правовой нормы в теории права не завершено. В частности, понятие «правовой нормы» определяется через родовой признак, «правило поведения», очевидно, что оно не охватывает дефинитивных норм [30, с. 250; 31, с. 589]. Показательно в этом отношении высказывание русского цивилиста и теоретика права Г.Ф.Шершеневича: «Всякий закон, в какую бы грамматическую форму не был бы он облечен, всегда представляет собой норму... Даже такие законодательные определения как, например, «завещание есть узаконенное объявление владельца о его имуществе на случай смерти», являются не чем иным, как нормами» [32, с. 236-237].

Ф.Н.Фаткуллин еще в 1980 г. указывал, что «понятие правовой нормы наряду с «системой правил поведения» должно включать еще что-то другое, чем могла бы быть категория «велеие» [33, с. 173]. Эту позицию поддержал и В.К.Бабаев: правовые веления должны охватывать все без исключения правовые предписания: и правила поведения, и исходные (отправные) установления [12, с. 93]. В настоящее время Я.В.Гайворонская полагает, что «...с точки зрения определения юридической нормы, справедливыми являются попытки определить последнюю как «велеие», ибо многие законодательные положения действительно не укладываются в формулировку «правило поведения» [34, с. 44].

Такой подход к правовой норме нашел отражение в ее доктринальных определениях. Ф.Н.Фаткуллин предложил такое определение правовой нормы – это «наличные, реально существующие, имеющие объективные закономерности части, наделенные государствен-

но-властными свойствами, клетки содержания советского общенародного права, призванные выполнять все его функции» [35, с. 236]. Б.И.Пугинский дает следующее определение правовой норме: это «правовое установление, сформулированное в виде, допускающем его самостоятельное применение для регулирования тех или иных типичных ситуаций» [36, с. 24].

Таким образом, включение дефинитивных норм в систему правовых норм должно повлечь усовершенствование понятия «правовая норма».

Если же не рассматривать дефиниции и сходные с ними правовые нетипичные явления как нормы права, то это неизбежно поставит вопрос об изменении понятия «право». Еще в 1961 г. С.А.Голунский по этому поводу писал: «Или надо пересмотреть понятие права так, чтобы оно включало не только нормы, но и другие законоположения, или надо расширить понятие правовой нормы так, чтобы оно включало в себя не только то, что охватывается схемой, но и другое» (задачи, цели, результаты) [11, с. 26].

Были попытки пойти по пути расширения понятия права. Так, В.К.Бабаев пришел к выводу, что «право – это совокупность исходных законодательных предписаний и юридических норм» [7, с. 183]. Однако большинство теоретиков права не поддержали такую позицию. С точки зрения М.И.Байтина, «право как государственная воля общества проявляется в реальной жизни как система официально признаваемых и действующих юридических норм» [37, с. 100]. По мнению Г.И.Муромцева, право – «официально установленная и обеспеченная государственной защитой система норм...» [30, с. 192].

Таким образом, позиционирование дефиниции как нормы права может решить, по наш взгляд, важную теоретическую проблему: уточнение понятия правовой нормы при сохранении стабильности такой правовой категории, как «право». Правовые категории – наиболее глубокие, фундаментальные понятия, являющиеся пределом обобщения в какой-либо области юридических знаний и в правоведении [38, с. 87], поэтому их устойчивость крайне важна.

Однако включение правовых дефиниций в систему правовых норм имеет не только тео-

генетическое, но и практическое значение. Законодатель оперирует только термином «норма права», никаких иных «нетипичных установлений» он не использует в тексте нормативных актов. Так, одним из оснований для отмены или изменения решения суда в кассационном порядке является «нарушение или неправильное применение норм материального или процессуального права» (ст. 362 ГПК РФ). Аналогичное правило содержится в ст. 270 и 288 АПК РФ. Если же дефиницию не рассматривать как правовую норму, то при ее неправильном применении вышестоящая судебная инстанция не сможет отменить или изменить решение. Такую ситуацию иначе, как правовым парадоксом, не назовешь. Не следует забывать, что «любые доктринальные выводы по результатам исследования правовых норм должны основываться на системе действующего правового регулирования или хотя бы его учитывать» [39, с. 614].

Итак, закреплённая в нормативном акте дефиниция является специализированной формой права, выполняющей особые вспомогательные функции в правовом регулировании и имеющей нетипичную (по сравнению с трехчленной) структуру, состоящую из двух элементов: определяемого и определяющего понятий.

Важность норм-дефиниций ведет к необходимости их закрепления в тексте нормативного акта. Здесь возникают важные вопросы использования различных технико-юридических средств, приемов их формирования и формулирования. «Техника определения юридических терминов представляет собой фундаментальное явление, влияющее на законодательную деятельность любого государства» [40, с. 232].

Законодателю следует учитывать два момента при конструировании дефинитивных норм.

Во-первых, любая норма-дефиниция должна соответствовать выработанным логическим правилам определения понятий. Их четы-

Во-первых, определение должно быть ясным; во-вторых, не должно быть круга (определяющий термин не должен определяться через определяемый); в-третьих, определение должно быть соразмерным; в-четвертых, определение не должно быть отрицательным [4, с. 224-228].

Во-вторых, законодатель должен выбрать необходимый метод закрепления определения в тексте нормативного акта. «Выбор этих технических средств должен быть обусловлен природой самого понятия, природой тех явлений и фактов действительности, логическим выражением которых оно является» [41, с. 200-202]. В свою очередь, метод закрепления дефиниций предполагает выбор способа и приема определения. Способы определения понятий разработаны логикой и связаны с классификацией определений.

Основным способом формирования дефинитивной нормы является определение через род и видовое отличие (родовидовое определение). В п. 1 ст. 2 ГК РФ содержится норма-дефиниция предпринимательской деятельности, в соответствии с которой это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, оказания услуг или выполнения работ лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. В этом определении есть указание на родовое понятие – «деятельность» и на несколько видовых отличий (самостоятельная, рискованная, направленная на систематическое извлечение прибыли, осуществляемая особыми субъектами).

В зависимости от того, что представляет собой видовой признак, родовидовое определение делится на предметное, генетическое и операционное.

Предметное определение указывает на признак, характеризующий сущность понятия. В п. 2 ст. 15 ГК РФ содержится предметное определение убытков – это расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества, а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено.

Генетическое определение конструируется посредством описания его образования, происхождения, возникновения [5, с. 61]. Генетическим является определение обычая делового оборота как сложившегося и широко применяемого в предпринимательской деятельности правила поведения, не предусмотрен-

ного законодательством (п. 1 ст. 5 ГК РФ). Этим же логическим способом дано понятие самовольной постройки в ст. 222 ГК РФ (недвижимое имущество, созданное на земельном участке, не отведенном для этих целей в порядке, установленном законом или иными правовыми актами, либо созданное без необходимого разрешения или существенным нарушением строительных норм) и клада в ст. 233 ГК РФ (зарытые в землю или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право).

Операционное определение раскрывает назначение предметов, входящих в понятие, его роль и функции. Таким является определение понятия представительства как обособленного подразделения юридического лица, расположенного вне места его нахождения и представляющего интересы юридического лица и осуществляющего его защиту (п. 1 ст. 55 ГК РФ). Таким же способом определены понятия «филиал» (п. 2. ст. 55 ГК РФ) и «коммерческое представительство» (п. 1 ст. 184 ГК РФ).

Е.А.Иванов выделяет также структурные определения как разновидность родовидовой дефиниции, которая представляет собой указание на совокупность элементов, входящих в понятие. Например, ст. 3 ГК РФ содержит структурное определение гражданского законодательства и иных актов, содержащих акты гражданского права [42, с. 77].

Другим распространенным в гражданском законодательстве способом определения понятий является перечисление (перечневое определение). Причем перечни могут быть открытыми и закрытыми. Например, п. 2 ст. 50 ГК РФ содержит закрытое перечневое определение коммерческих организаций: хозяйственные общества и товарищества, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия; а п. 3 ст. 50 ГК РФ включает открытый перечень некоммерческих юридических лиц: потребительские кооперативы, общественные и религиозные организации, фонды, учреждения, ассоциации и союзы и другие организации, предусмотренные законом.

К числу перечневых относятся определения понятий «основания возникновения гражданских прав и обязанностей» (ст. 8 ГК РФ),

«способы защиты гражданских прав» (ст. 12 ГК РФ), вещные права лиц, не являющихся собственниками (ст. 216 ГК РФ) и др. Полностью разделяем мнение А.Нашиц по поводу значения перечневых определений: «...конкретизация при помощи перечисления их различных составных элементов делает правило более понятным для субъектов права. в большинстве своем неспециалистов в области права...» [41, с. 203].

Действительно, можно было бы определить защиту гражданских прав как «предоставленную уполномоченному лицу возможность применения мер оперативного характера для восстановления его нарушенного или оспариваемого права» [43, с. 280]. Однако для субъекта правоотношений, не обладающего специальными юридическими познаниями, такое определение вряд ли о чем-либо говорит, для него лучшим является указание на конкретные меры защиты своих гражданских прав.

А.Нашиц выделяет также такой способ определения понятий, как цифровое выражение [41, с. 200-202]. ГК РФ содержит несколько цифровых определений. Так, в п. 2 ст. 192 ГК РФ дается цифровое определение квартала: «квартал считается равным трем месяцам». Общий срок исковой давности устанавливается в три года (ст. 196 ГК РФ).

В тексте ГК РФ встречаются и комплексные дефиниции. Например, п. 1 ст. 142 ГК РФ содержит родовидовую дефиницию ценной бумаги, а ст. 143 ГК РФ – открытый перечень ценных бумаг.

Существует также определение через отношение, указывающее на то, как определяемое понятие соотносится с другими. Например, п. 1 ст. 130 ГК РФ включает перечневое определение недвижимого имущества, а п. 2 ст. 130 ГК РФ – относительное определение движимого имущества: «вещи, не относящиеся к недвижимости..., признаются движимым имуществом».

Выделяют также контекстуальные определения, когда содержание определяемого термина раскрывается через анализ текста, в котором он содержится. Так, из контекста п. 1 ст. 29 ГК РФ можно дать, например, такое определение недееспособному гражданину. Недееспособный гражданин – это гражданин, который вследствие психического расстрой-

ства не может понимать значение своих действий и руководить ими, и признанный таковым судом. В таких случаях следует говорить о скрытых нормах-дефинициях.

Приемы определения правовых понятий связаны с грамматическим закреплением норм-дефиниций в тексте нормативных актов. Однако вопрос о приемах определения понятий необходимо отличать от вопроса о месте дефинитивных норм в структуре акта. Так, А.С.Пиголкин называет следующие приемы формулирования дефиниций: в виде развернутой характеристики термина при первом упоминании, в скобках после первого упоминания, без скобок через тире, с помощью слов «то есть», в виде отдельного абзаца статьи, в виде самостоятельной статьи [9, с. 130]. Нетрудно заметить, что в этом перечне приемов «перемешаны» ответы на вопросы «как определяется» и «где определяется». Приемы формулирования дефинитивных норм отвечают на первый вопрос.

Классическое определение понятия «через тире» в гражданском законодательстве используется крайне редко. Например, законные представители несовершеннолетних – родители, усыновители, попечители (п. 1 ст. 26 ГК РФ). В соответствии с п. 2 ст. 1145 ГК РФ наследники четвертой очереди – прадедушки и прабабушки наследодателя. Обычно «тире» заменяется словами «является», «считается», «признается». Так, согласно п. 1 ст. 225 ГК РФ бесхозяйной является вещь, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался. Договор, по которому стороны должны получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным. Односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражение воли одной стороны (п. 2 ст. 154 ГК РФ). Кредитор считается просрочившим, если он отказался принять предложенное должником надлежащее исполнение или не совершил действий, предусмотренных законом, иными правовыми актами или договором либо вытекающих из обычаев делового оборота или из существа обязательства. до совершения которых должник не мог исполнить

своего обязательства. В соответствии с п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности просрочки исполнения.

Редко дефиниция в гражданском законодательстве закрепляется с помощью скобок. В ст. 17 и 18 ГК РФ таким образом установлены дефиниции гражданско-правовой правоспособности и дееспособности. В этих случаях в скобках содержится определяемое понятие. А в ст. 136 ГК РФ в скобках содержится определяющее (перечневое) понятие: поступления, полученные в результате использования имущества (плоды, продукция, доходы).

В ГК РФ используется и прием определения понятий с помощью «то есть»: совершеннолетние граждане, т.е. достигшие восемнадцатилетнего возраста (ст. 21 ГК РФ); объекты, прочно связанные с землей, т.е. перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно (ст. 130); мнимая сделка, т.е. сделка, совершенная для вида, без намерения повлечь соответствующие правовые последствия (ст. п. 1 ст. 170 ГК РФ); непреодолимая сила, т.е. чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях обстоятельства (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Представляется важным и вопрос о месте дефинитивных норм в структуре нормативного акта. В законотворческой практике используется три варианта решения этого вопроса.

Во-первых, закрепление норм-дефиниций в отдельной самостоятельной статье, обычно в начале нормативного акта. Впервые это было сделано в законе «Об авторском праве и смежных правах». Приводится такая статья и в законе «О рынке ценных бумаг», в законе «О несостоятельности (банкротстве)». Однако наличие такого перечня в нормативном акте в научной литературе вызывает диаметрально противоположные оценки. Авторы работы «Язык закона» считают, что «такое оформление определения удобно для пользователя, повышает юридическую культуру» [там же]. Р.О.Халфина, напротив, призывает отказаться от «словаря понятий» [44, с. 22].

На наш взгляд, отказываться от перечисления правовых дефиниций в одной статье неразумно, вместе с тем целесообразно разрабо-

тать определенные критерии такого закрепления. Следует согласиться с А.М.Рабец в том, что «статья-гlossарий» может вводиться в текст небольших законов, предназначенных для специалистов [45, с. 236]. С этих позиций справедливо наличие таких статей, например, в законе «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». В крупных, особенно кодифицированных, актах такая статья не нужна. В этом случае можно использовать вариант помещения дефиниций в тексте нормативного акта: в статье, содержащей соответствующий термин. Выбор именно этого варианта разработчиками ГК РФ следует признать весьма удачным.

Законодатель может избрать и комплексный прием закрепления дефиниций: ряд основных понятий перечислить в самостоятельной статье, а другие определения, относящиеся только к отдельным разделам, главам закона, поместить в соответствующих статьях, при первом их упоминании. Этот вариант успешно использован в законе «О несостоятельности (банкротстве)». В юридической литературе предлагается также использовать постранично-ссылочный прием помещения определений [46, с. 252]. Однако применения в законодательстве он не нашел.

При конструировании дефинитивных норм необходимо помнить, что «искусство определения как раз и состоит в том, чтобы использовать определение тогда, когда это требуется существом дела» [47, с. 99]. Это замечание в полной мере относится и к законодательным определениям. Тем не менее сформулировать критерии того, в каких именно случаях необходимо дать определение, довольно трудно. Обоснованно замечание Ю.А.Тихомирова о том, что «...сейчас наблюдается увлечение дефинициями, как «визиткой» закона» [48, с. 111]. А.А.Ушаков видел в законодательных определениях и отрицательную сторону: «они удлиняют и загромождают законодательство» [49, с. 172]. В то же время, по мнению В.М.Савицкого, «совершенно очевидно, что они в большей степени способствуют правовому пониманию и применению закона» [50, с. 64].

Бесспорно, нормы-дефиниции в законодательных актах необходимы, но в каких случаях их следует использовать?

В логике не установлено единого перечня случаев определения понятий. Е.К.Войшвилло считает, что определение необходимо, если вводится новый термин, если термин употребляется в различных значениях в разных отраслях знаний или используется особым образом, если нужно придать установившемуся термину определенный смысл [4, с. 212]. Е.А.Иванов перечисляет три случая определения понятия: если нужно подытожить главное в познании сущности предмета, при упоминании неизвестного понятия, при введении нового слова [42, с. 72-73].

Перечисление всех случаев необходимости определения законодательных понятий далеко до завершения. При анализе таких случаев важно учитывать следующие обстоятельства. В нормативных актах используются три категории терминов: общеупотребляемые, специально-юридические и технические. Содержание общеупотребляемого понятия следует раскрывать в законе, если оно используется в особом, отличном от обычного, смысле. Например, термин «внесенная в гостиницу вещь» общеупотребляемый, но ГК РФ дает ему строгую дефиницию: «вверенная работникам гостиницы либо вещь, помещенная в гостиничном номере или ином предназначенном для этого месте» (п. 1 ст. 925 ГК РФ). Законодательная дефиниция дана также общеупотребляемым терминам «товарный склад» (ст. 907 ГК РФ), «передача вещи» (ст. 224 ГК РФ). Однако увлекаться законодательным определением общеупотребляемых понятий также не следует, такие дефинитивные нормы сильно загромождают законодательство. Например, в ст. 1 Водного кодекса РФ дается определение термину «вода» (химическое соединение водорода и кислорода), ничем не отличающееся от общеупотребляемого; в ст. 5 УПК РФ определяется алиби как «нахождение подозреваемого или обвиняемого в момент совершения преступления в другом месте». А разве кто-то понимает алиби по-другому?

В ГК РФ совпадают с общеупотребляемыми определения терминов «возмездный договор» и «безвозмездный договор» (ст. 423 ГК РФ). Вместе с тем дать нормативное определение терминам «гражданин, ставящий свою семью в тяжелое материальное положение» (ст. 30), «находка» (ст. 227 ГК РФ), «день окончания военных действий» (ст. 45 ГК РФ)

законодателю следовало бы, поскольку эти термины в праве используются не в их обычном значении.

Определение специально-юридических терминов необходимо в обязательном порядке оформлять в дефинитивные нормы. Такое оформление сделано в отношении определенных оферты (ст. 435 ГК РФ), акцепта (ст. 438 ГК РФ), сберегательного сертификата (ст. 844 ГК РФ), чека (ст. 877 ГК РФ) и др. На наш взгляд, необходимо дать нормативное определение термину «самозащита гражданских прав».

Технические термины следует в обязательном порядке определять в законодательных актах широкого применения. Например, целесообразно дается определение терминам «фонограмма», «репродуцирование», «база данных» в законе «Об авторском праве и смежных правах».

Важным требованием к дефинитивным нормам является единство в употреблении терминов в нормативном акте. Подчеркнем, что при обозначении одним и тем же термином различных понятий и при использовании различных терминов для обозначения одного и того же понятия грубо нарушаются законы логики. Кроме того, в правоведении это приводит к серьезным проблемам в процессе применения дефинитивных норм.

Норма-дефиниция фиктивного банкротства содержалась до недавнего времени в трех нормативных актах и в каждом из них раскрывалась по-разному. В законе «О несостоятельности (банкротстве)» 1998 г. фиктивное банкротство определялось как подача должником заявления в арбитражный суд о признании банкротом при наличии в то же время у него (должника) возможности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме. В действующем законе «О несостоятельности (банкротстве)» этот термин исключен, хотя его определение осталось (ст. 10 закона). Понятие фиктивного банкротства дает ст. 14.12 КоАП РФ, в которой оно рассматривается как заведомо ложное объявление руководителем юридического лица о несостоятельности данного юридического лица или индивидуально-предпринимателя о своей несостоятельности, в том числе обращение этих лиц в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом при наличии у него возмож-

ности удовлетворить требования кредиторов в полном объеме. В соответствии с Уголовным кодексом РФ фиктивное банкротство – это заведомо ложное объявление руководителем или собственником коммерческой организации, а равно индивидуальным предпринимателем о своей несостоятельности в целях введения в заблуждение кредиторов для получения отсрочки или рассрочки причитающихся кредиторами платежей, или скидки с долгов, а равно для неуплаты долгов, если это деяние причинило крупный ущерб (ст. 197 УК РФ).

Для устранения подобного смешения норм-дефиниций давно назрела необходимость в принятии Генерального законодательного словаря: «такой словарь должен носить официальный, обязательный характер, и законы, изданные с нарушением нормативности этого словаря, не должны вступать в силу» [49, с. 173].

Кроме того, требуется принятие Правил подготовки нормативно-правовых актов, в которых целесообразно было бы закрепить случаи обязательного определения, критерии выбора способа и приема конструирования нормы-дефиниции в тексте нормативного акта, определить место этих норм в его структуре. В Российской империи в 1913 г. были приняты правила по единообразному применению технических приемов составления законодательных проектов [51, с. 145-154]. Есть примеры таких правил и в зарубежных странах. В Директивах по конструированию (оформлению) правовых предписаний Австрии устанавливается: «Определения понятия (легальные дефиниции) включаются в правовую норму лишь тогда, когда они служат четкому пониманию права, следовательно, прежде всего тогда, когда какое-то слово может иметь различные значения или в виде исключения должно быть применено в таком смысле, который отличается от общеупотребительного» [50, с. 85].

Исследование и изучение теории дефинитивных норм и их правильное использование в тексте нормативного акта должно способствовать единообразному и точному пониманию и исполнению закона, что в конечном итоге и является целью правового регулирования.

Библиографический список

1. Латинско-русский словарь. М.: Рус. язык, 1976.
2. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1975.
3. Кириллов В.И.Ю., Старченко А.А. Логика: Учебник для вузов. М.: Юристъ, 1998.
4. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М.: Изд-во МГУ, 1989.
5. Горский Д.П. Определение. М.: Мысль, 1974.
6. Кашианина Т.В. Правое понятие как средство выражения содержания права // Сов. государство и право. 1981. №1.
7. Бабаев В.К. Советское право как логическая система: Учеб. Пособие. М., 1978.
8. Тер-Акопов А.А. Юридическая логика: учеб. Пособие. М.: ИКФ Омега-Л, 2002.
9. Язык закона / Под ред. А.С.Пиголкина. М.: Юрид. лит., 1971.
10. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Сов. государство и право. 1978. №3.
11. Голунский С.А. К вопросу о понятии правовой нормы в социалистическом праве // Там же. 1961. №4.
12. Нормы советского права. Проблемы теории // Под ред. В.М. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.
13. Алексеев С.С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1982. Т.2.
14. Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: Курс лекции. СПб.: Юрид. центр-пресс, 2003.
15. Кудрявцев Ю.В. Нормы права как социальная информация. М.: Юрид. лит., 1988.
16. Эннексерус Ю.В. Курс германского гражданского права. Т.1 Полутом 1. М.: Изд-во иностр. лит., 1949.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус язык, 1989.
18. Словарь русского языка: В 4 т. М.: АН СССР, Ин-т рус. яз., 1982. Т.2.
19. Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат / Под ред. Ю.С.Гамбарова, В.Я.Железного, М.М.Ковалевской, С.А.Муромцева, К.И.Тимерязева. М., 1934.
20. Каминка А. Очерки торгового права. М.: АО «Центр Юриформ», 2002.
21. Теория государства и права / Под ред. В.М.Корельского, В.Д.Первалова. М.: Норма, 2000.
22. Чернобель Г.Т. Формализация норм права // Сов. государство и право. 1979. №4.
23. Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. №1.
24. Поленина С.В. Качество закона и совершенствование правотворчества // Сов. государство и право. 1987. №7.
25. Общая теория государства и права. Акад. курс. В 2 т. / Под ред. М.Н.Марченко. Т.2. Теория права. М.: Зерцало, 1998.
26. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: Учеб.-практ. пособие. М., 2000.
27. Алексеев С.С. Социальная ценность права в современном обществе. М.: Юрид. лит., 1971.
28. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 2001.
29. Мухаев Р.Т. Теория государства и права: Учебник для вузов. М.: Приор, 2001.
30. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под ред. В.С.Нерсисянца. М.: Норма, 2001.
31. Проблемы теории государства и права: Учеб. пособие / Под ред. М.Н.Марченко. М.: Юристъ, 2001.
32. Шереневич Г.Ф. Общая теория права: Учеб. пособие. М., 1995. Т.1.
33. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
34. Гайворонская Я.В. К вопросу о понимании правовых и юридических норм // Правоведение. 2001. №3.
35. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права. Казань: изд-во Казан. ун-та, 1987.
36. Лугинский Б.И. О норме права // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1995. №5.
37. Байтин М.И. О современно нормативно понимании права // Журн. рос. права. 1999 №1.
38. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий права. М., 1976.

39. Браинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. М.: Статут. 2001.
40. Нагорная М.А. Техника определения законодательных терминов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, свершенствование: Сб. ст. В 2 т. / Под ред. В.М.Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1.
41. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М.: Прогресс, 1974.
42. Иванов Е.А. Логика: Учебник для вузов. М.: БЕК. 2000.
43. Гражданское право: Учебник для вузов. Ч. 1. / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. М.: Прогресс, 1999.
44. Халфина Р.О. Почему не работает закон? // Журн. рос. права. 1997. №4.
45. Рабец А.М. Проблемы законодательного закрепления юридических дефиниций // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. ст. В. 2 т. / Под ред. В.М.Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1.
46. Туранин В.Ю. Проблемы выбора оптимального способа закрепления дефиниций в законодательном тексте // Там же.
47. Ивин А.А. Логика: Учебник для вузов. М.: Гардарики, 1999.
48. Тихомиров Ю.А. О правилах законодательной техники // Журн. рос. права. 1999. №11.
49. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики: Учеб. пособие. Пермь, 1967.
50. Савицкий В.М. Язык процессуального закона (вопросы терминологии). М.: Наука, 1987.
51. Юртаева Е.А. Законодательная техника и основы языкового оформления законодательных актов в Российской империи // Журн. рос. права. 2000. №8.

NORM-DEFINITIONS IN LAW (ON EXAMPLE OF CIVIL LAW)

О.А.Кuznetsova

Perm State University, 614990, Perm, Bukireva st., 15

The paper describes the terms and place of law definitions in the system of civil law norms. It proves the conclusion of the necessity to include definitions in law norms, which have non typical structure and have specific functions in law regulation mechanism. The author pays attention to the methods definition norms formulation in the Civil Code of Russian Federation. The paper makes an accent on the importance to create an official general legislation dictionary in order to unificate law terms.